

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

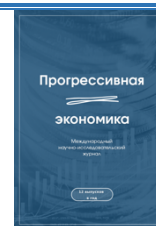
№ 10 / 2026 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/analiz-instrumentov-i-effektivnosti-gosudarstvennoj-antikrizisnoj-investiczionnoj-politiki-v-neftegazovom-sektore-rossii-v-usloviyah-sankezij/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.6

УДК 338.45:622.32

DOI: 10.54861/27131211_2026_10_305

АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИКРИЗИСНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

*Меликсетян Г.Г., аспирант, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1

e-mail: gevorg-meliksetyan@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу условий, инструментов и результативности государственной антикризисной инвестиционной политики в нефтегазовом секторе России в период длительного санкционного давления. Показано, что после 2022 г. ограничения утратили точечный характер и распространились одновременно на финансирование компаний, поставки оборудования и технологий, нефтесервис и экспортную логистику, это вынудило государство перейти от разрозненных мер к комплексной, хотя и не вполне согласованной системе поддержки отрасли. Теоретической основой работы служит сопоставление фискально-стабилизационного, институционально-эволюционного, промышленно-мобилизационного и прикладного налогово-регулятивного подходов к управлению нефтегазовой рентой. Инструменты государственной политики сгруппированы в три блока: налоговый (налог на дополнительный доход, топливный демпфер, адресные преференции для арктических проектов, параметры бюджетного правила), инвестиционно-финансовый (специальные инвестиционные контракты, вложения средств Фонда национального благосостояния, вычеты, увязанные с ценой отсечения) и промышленный (импортозамещение оборудования, цифровая трансформация ТЭК). Эффективность политики оценена по четырем критериям – капитальным вложениям компаний, технологическому импортозамещению, бюджетной результативности и обеспеченности бюджетными буферами – на основе данных Минфина России, Минпромторга России, отраслевой аналитики и корпоративной отчетности. Крупнейшие нефтегазовые компании в целом удержали инвестиционную активность, а официальный ориентир по доле отечественного оборудования к концу 2025 г. был достигнут. Вместе с тем агрегированные

показатели скрывают сохраняющуюся зависимость в шельфовой добыче, крупнотоннажном производстве СПГ и специализированном программном обеспечении, а ликвидные активы Фонда национального благосостояния за 2022–2025 гг. сократились более чем вдвое. Результативность применяемых мер охарактеризована как асимметричная: инструменты, обслуживающие бюджетную устойчивость и крупные интегрированные компании, срабатывают быстрее и полнее, чем стимулы к инвестициям в добычу и технологическое обновление. Полученные выводы служат основой для последующей систематизации проблем и направлений совершенствования антикризисной инвестиционной политики в отрасли.

Ключевые слова: антикризисная политика, инвестиционная политика, нефтегазовый сектор, санкции, нефтегазовая рента, налог на дополнительный доход, бюджетное правило, импортозамещение, специальные инвестиционные контракты, устойчивое развитие.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Меликсетян Г.Г. Анализ инструментов и эффективности государственной антикризисной инвестиционной политики в нефтегазовом секторе России в условиях санкций // Прогрессивная экономика. 2026. № 10. С. 305–323. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_10_305.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2026 г. Одобрена после рецензирования: 13.10.2026 г. Принята к публикации: 19.10.2026 г.

ANALYSIS OF THE INSTRUMENTS AND EFFECTIVENESS OF STATE ANTI-CRISIS INVESTMENT POLICY IN THE RUSSIAN OIL AND GAS SECTOR UNDER SANCTIONS

*Meliksetyan G.G., Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
119571, Moscow, Vernadskogo Ave., 82, bldg. 1
e-mail: gevorg-meliksetyan@inbox.ru*

Abstract. The article examines the conditions, instruments and effectiveness of Russia's state anti-crisis investment policy in the oil and gas sector under prolonged sanctions pressure. After 2022 the restrictions ceased to be selective and simultaneously affected corporate financing, supplies of equipment and technology, oilfield services and export logistics, which pushed the state from fragmented measures towards a comprehensive, though not fully coordinated, support system. The theoretical framework compares the fiscal-stabilisation, institutional-evolutionary, industrial-mobilisation and applied tax-regulatory approaches to managing hydrocarbon rent. The instruments are grouped into tax-based (the additional income tax, the fuel damper, targeted relief for Arctic projects, budget rule parameters), investment and financial (special investment contracts, National Wealth Fund investments, deductions linked to the cut-off oil price) and industrial ones (equipment import substitution, digital transformation of the fuel and energy complex). Effectiveness is assessed against four criteria: corporate capital expenditure,

technological import substitution, fiscal performance and the adequacy of fiscal buffers. The largest companies largely sustained investment, and the official target for the share of domestic equipment was reached by the end of 2025, however, aggregate indicators conceal persistent dependence in offshore production, large-scale LNG and specialised software, while the liquid assets of the National Wealth Fund more than halved in 2022–2025. The effectiveness of the measures is characterised as asymmetric, which lays the groundwork for a subsequent analysis of problems and directions for improving the policy.

Keywords: anti-crisis policy, investment policy, oil and gas sector, sanctions, hydrocarbon rent, additional income tax, budget rule, import substitution, special investment contracts, sustainable development.

JEL classification: F51, H25, L71, Q48.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Meliksetyan G.G. (2026). Analiz instrumentov i effektivnosti gosudarstvennoi antikrizisnoi investitsionnoi politiki v neftegazovom sektore Rossii v usloviyakh sanktsii [Analysis of the instruments and effectiveness of state anti-crisis investment policy in the Russian oil and gas sector under sanctions]. Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy], 10, 305–323. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_10_305. (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 04/09/2026. Approved after review: 13/10/2026. Accepted for publication: 19/10/2026.

Введение

Нефтегазовый сектор остается опорой российской бюджетной системы, хотя его фискальный вес заметно снизился: если в 2014 г. нефтегазовые доходы формировали 51,3% доходов федерального бюджета, то в 2025 г. – 22,7% (8,48 трлн руб.) [1; 2]. Отрасль является и крупнейшим заказчиком высокотехнологичного оборудования и капитального строительства [3], что сделало ее главной мишенью западных санкций. Ограничения 2014 г., касавшиеся поставок технологий для глубоководной, арктической и сланцевой добычи, к 2022 г. переросли в системный режим, затрагивающий финансирование компаний, экспорт оборудования и услуг, а также логистику транспортировки нефти и газа [4; 5].

Сказанное определяет потребность в системной оценке того, какими инструментами государство отвечает на нарастающее санкционное давление в нефтегазовом секторе и насколько эти инструменты результативны. Цель статьи – проанализировать условия, основные инструменты и эффективность государственной антикризисной инвестиционной политики в нефтегазовом секторе России. Для ее достижения охарактеризованы условия функционирования отрасли под санкциями, систематизированы налоговые, инвестиционно-финансовые и промышленные инструменты поддержки, а результативность политики оценена по показателям капитальных вложений, локализации оборудования, бюджетной результативности и обеспеченности бюджетными буферами.

Обзор литературы

Теоретической основой анализа служат несколько конкурирующих подходов отечественной экономической науки к роли государства в управлении нефтегазовой рентой. Фискально-стабилизационное направление, наиболее последовательно представленное в работах Е.Т. Гурвича и А.Л. Кудрина, исходит из необходимости изымать и стерилизовать сверхдоходы от экспорта углеводородов, ограничивать их влияние на денежно-кредитную политику и формировать суверенные резервы, которые в кризис выполняют функцию буфера [6; 7]. Институционально-эволюционный подход Ю.К. Шафраника и В.А. Крюкова акцентирует внимание на многообразии форм организации нефтегазового сектора, роли независимых компаний и сервисного звена, а также на необходимости приспособливать режим недропользования к ухудшающейся структуре ресурсной базы [8]. Промышленно-мобилизационная позиция С.Ю. Глазьева рассматривает ресурсные доходы как источник финансирования опережающего технологического развития и импортозамещения [9]. Наконец, прикладное налогово-регулятивное направление (Н.И. Пляскина, А.А. Сильванский и соавторы, О.А. Горбунова) сосредоточено на последствиях налогового маневра, переходе к налогообложению финансового результата и воздействии санкций на компании отрасли [4; 10; 11].

Каждая из этих позиций по отдельности объясняет лишь часть наблюдаемых процессов. Опыт 2022–2026 гг. показывает, что антикризисная инвестиционная политика в нефтегазовом секторе складывается на их пересечении, причем приоритет бюджетных задач – своего рода «фискальная доминанта» – нередко вступает в противоречие с инвестиционными и технологическими целями. В статье обосновывается тезис об асимметричной эффективности этой политики: инструменты, ориентированные на поддержку бюджетной устойчивости и крупных интегрированных компаний, срабатывают быстрее и полнее, чем меры, направленные на восстановление технологической базы и инвестиций в добычу (upstream), где сохраняется институциональный разрыв между потребностями отрасли и набором доступных стимулов.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный и институциональный анализ, а также методы систематизации и группировки. Инструменты государственной антикризисной инвестиционной политики сгруппированы в три блока – налоговый, инвестиционно-финансовый и промышленный. Эффективность политики оценена по четырем критериям: динамике капитальных вложений крупнейших нефтегазовых компаний, технологическому импортозамещению, бюджетной результативности и обеспеченности бюджетными буферами. Информационную базу исследования составили данные Минфина России,

Минпромторга России и Минэнерго России, нормативные правовые акты, отраслевая аналитика (Vygon Consulting, Kasatkin Consulting), корпоративная отчетность компаний и материалы деловых СМИ за 2014–2026 гг.

Результаты и обсуждение

После февраля 2022 г. санкционное давление на российский нефтегазовый сектор качественно изменилось по сравнению с ограничениями 2014–2021 гг. К прежним запретам на поставку технологий для глубоководной, арктической и сланцевой добычи добавились ограничения на долгосрочное финансирование компаний, эмбарго ЕС на морские поставки российской нефти и механизм «потолка цен» на нефть и нефтепродукты. Резко сократилось присутствие крупнейших международных нефтесервисных компаний, на долю которых, по оценке 2022 г., приходилось около 18% российского рынка нефтесервиса [3; 12]: о сворачивании бизнеса в России объявили Halliburton и Baker Hughes, а SLB (Schlumberger) в июле 2023 г. прекратила поставки в Россию оборудования и технологий [12; 13].

В 2025–2026 гг. давление продолжило усиливаться. В январе 2025 г. США ввели блокирующие санкции против «Газпром нефти» и «Сургутнефтегаза», а в октябре того же года распространили их на «Роснефть» и «Лукойл» – две крупнейшие нефтяные компании страны, что осложнило реализацию российской нефти на азиатских рынках [5; 14]. 29 сентября 2025 г. Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США распространило экспортные ограничения на компании, на 50% и более принадлежащие лицам из санкционных списков (так называемое Affiliates Rule). В ноябре 2025 г. применение этого правила было приостановлено на один год, однако сохраняющаяся возможность его возобновления создает неопределенность для дочерних структур российских компаний в третьих странах [14; 15]. Финансовые результаты отрасли остаются крайне чувствительными к внешней конъюнктуре: в мае 2026 г., по данным «Коммерсанта», средняя EBITDA российских нефтяных компаний сократилась к предыдущему месяцу на 40,7% вследствие двукратного падения доходности продаж нефти [16]. Издержки адаптации несет и противоположная сторона: по подсчетам РИА Новости, отказ от российской нефти обошелся странам ЕС примерно в 283 млрд евро [17].

Наиболее уязвимыми остаются сегменты, зависящие от импортного оборудования и технологий: разработка трудноизвлекаемых запасов, нефтепереработка и производство сжиженного природного газа. После 2014 г. зависимость отрасли от импортного оборудования сократилась с 60 до 40%, но уход западных сервисных компаний в 2022 г. вновь обнажил проблему, прежде всего в программном обеспечении: доля российского отраслевого ПО тогда оценивалась лишь в 5–10% [4; 12]. Ощутимыми оказались и бюджетные последствия. За январь – апрель 2025 г. нефтегазовые доходы федерального бюджета снизились на 10,3% год к году [14], а по итогам 2025 г. сократились

почти на четверть, до 8,48 трлн руб., на фоне снижения экспортных цен, крепкого рубля и уменьшения добычи нефти до 511,5 млн т [2; 18]. В этих условиях государственная антикризисная инвестиционная политика должна одновременно поддерживать инвестиционную активность компаний, продвигать технологический суверенитет и сохранять бюджетную устойчивость при структурно более низких экспортных доходах.

Государственная поддержка отрасли разворачивается по трем направлениям – налоговому, инвестиционно-финансовому и промышленному, включающему импортозамещение и цифровизацию. Их соотношение отражает упомянутую конкуренцию доктринальных подходов: налоговые меры и бюджетное правило выражают фискально-стабилизационную логику, тогда как промышленные инструменты ближе к мобилизационной модели технологического развития.

Налоговые инструменты. Центральное место занимает расширение периметра налога на дополнительный доход (НДД), который, в отличие от налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), взимаемого с физического объема добычи независимо от финансового результата, учитывает фактическую доходность месторождения [19]. Доля НДД в нефтегазовых доходах бюджета выросла с 11,4% в 2022 г. до 13,9% за январь–сентябрь 2024 г. (в 2023 г. – 11%) [20]; это свидетельствует о постепенном, хотя и неравномерном смещении налоговой системы от чисто фискального изъятия к стимулированию инвестиций. Параллельно действовали меры противоположной направленности. НДПИ на нефть был повышен на 2023–2025 гг. с ожидаемыми дополнительными поступлениями около 630 млрд руб. за три года [19], а с сентября 2023 г. в формулу топливного демпфера – механизма компенсации нефтепереработчикам разницы между экспортной и внутренней ценой топлива – был введен понижающий коэффициент 0,5 [19]. Последняя мера просуществовала недолго: после скачка биржевых цен на топливо полный размер демпфера уже осенью 2023 г. был восстановлен [21]. Этот эпизод показателен для отраслевой политики последних лет, в которой параметры налоговых механизмов неоднократно перенастраивались в ответ на текущие рыночные шоки. Изменился и каркас бюджетного правила: с 2023 г. используется параметр базовых нефтегазовых доходов (8 трлн руб. в 2023 г., с 2024 г. – эквивалент цены отсечения 60 долл./барр.), определяющий, какая часть нефтегазовых поступлений направляется на текущие расходы, а какая – в Фонд национального благосостояния [22; 23].

Инвестиционно-финансовые инструменты. Для крупных проектов предусмотрены специальные инвестиционные контракты (СПИК), гарантирующие инвестору стабильность условий ведения деятельности, в том числе налоговых, на срок до 15 лет, а при объеме инвестиций свыше 50 млрд руб. – до 20 лет [24; 25]. Для нефтегазовой отрасли этот инструмент имеет ограниченное значение, поскольку проекты добычи углеводородов в его

периметр не входят; вопрос о расширении СПИК на нефтяные компании обсуждался лишь в 2025 г. [26]. Исторически значимым каналом поддержки стали прямые вложения Фонда национального благосостояния: решение о выделении проекту «Ямал СПГ» 150 млрд руб. было принято в декабре 2014 г., а выкуп его облигаций в 2015 г. позволил продолжить строительство в условиях первых секторальных санкций [27; 28]. Часть налоговых преференций адресно увязана с параметрами бюджетного правила: вычет по НДС для месторождений Ванкорской группы, предоставленный «Роснефти» в связи с проектом «Восток Ойл», применяется лишь при цене нефти выше уровня отсечения, что исключает конфликт льготы с базовыми бюджетными ориентирами [29]. Для арктических проектов по производству СПГ и продукции газохимии («Ямал СПГ», «Арктик СПГ 2», «Обский ГХК») установлены нулевая ставка НДС на газ и газовый конденсат на ограниченный срок (до 12 лет) и освобождение сжиженного газа от экспортной пошлины, а для резидентов Арктической зоны – пониженный совокупный тариф страховых взносов 7,6% вместо 30% [30].

Промышленные инструменты и импортозамещение. С 2022 г. реализуются отраслевые дорожные карты импортозамещения ключевого оборудования – «Оборудование для бурения и добычи на суше», «Оборудование для нефтегазохимии», «Оборудование для геологоразведки», – которые Минпромторг России разрабатывает совместно с «Росгеологией» и профильными научно-производственными организациями [31]. На стимулирование локализации оборудования выделено около 30 млрд руб. бюджетных средств, и примерно столько же привлечено из внебюджетных источников [31]. С марта 2024 г. действует стратегическое направление в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 12.03.2024 № 581-р), которое предусматривает переход отрасли на отечественные информационно-коммуникационные технологии и единые стандарты обмена данными [31; 32].

Критерий капитальных вложений обнаруживает неоднородную, но в целом устойчивую динамику. По итогам 2024 г. «Роснефть» увеличила капитальные затраты на 11%, до 1,44 трлн руб., «Лукойл» – на 8,2%, до 779,7 млрд руб., тогда как «Газпром» сократил их на 7%, до 2,36 трлн руб., причем фактическое снижение оказалось меньше первоначально заявлявшихся 20% [33; 34] (рис. 1). Меры государственной поддержки, следовательно, не предотвратили расслоения компаний по инвестиционной активности: компании с более устойчивыми экспортными позициями наращивают вложения, а «Газпром», утративший значительную часть европейского трубопроводного экспорта, вынужден их сокращать. Существенно и то, на что направляются эти средства. По оценке Kasatkin Consulting, только для удержания достигнутого уровня добычи нефти российским компаниям в 2024–2030 гг. потребуется ежегодно увеличивать инвестиции примерно на 62

млрд руб. [35]; значительная часть капитальных вложений идет, по сути, на компенсацию естественного истощения месторождений, а не на расширение производственной базы.

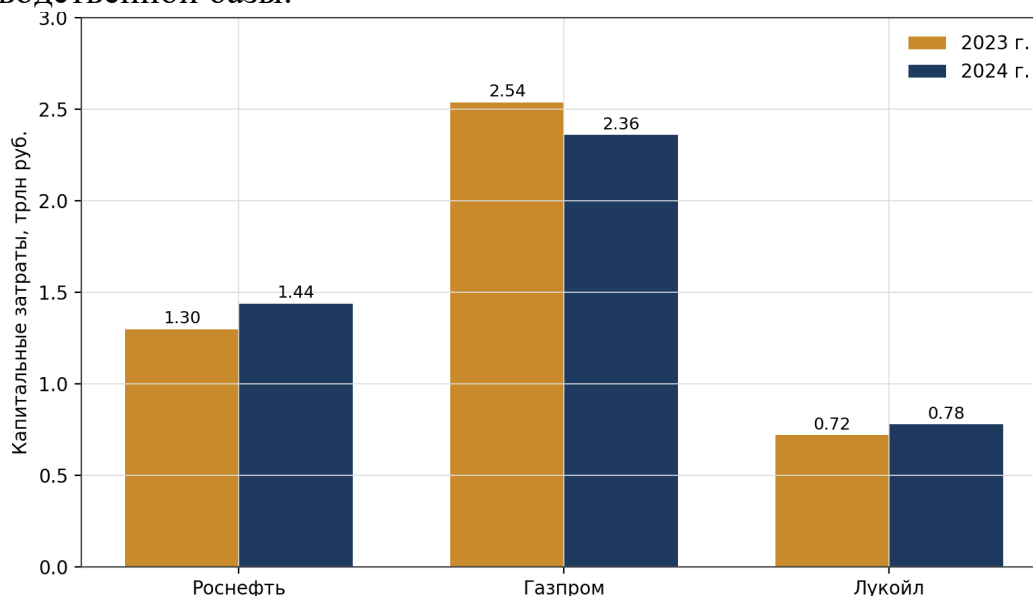

Рис. 1. Капитальные затраты крупнейших нефтегазовых компаний России, 2023–2024 гг.

Источник: составлено автором по данным Forbes (рейтинг крупнейших компаний-инвесторов России, 2025) [33] и TAdviser [34]

Fig. 1. Capital expenditure of Russia's largest oil and gas companies, 2023–2024

Source: compiled by the author based on data from Forbes (ranking of the largest investor companies in Russia, 2025) [33] and TAdviser [34]

Критерий технологического импортозамещения дает более противоречивую картину. По официальным данным, доля отечественного оборудования в нефтегазовом секторе выросла с 40% в 2014 г. до 60% в 2021 г. при целевом ориентире 80% к 2025 г. [12; 36] (рис. 2), и по итогам 2025 г. Минпромторг России констатировал достижение этого уровня [37]. Однако агрегированный показатель плохо отражает положение в наиболее сложных сегментах. Еще в 2022 г. Vygon Consulting прогнозировала, что к 2024 г. долю импорта по критическим технологическим направлениям удастся снизить лишь до 10–50% в зависимости от сегмента [36], а в системах класса PLM/PDM и SCM доля западных решений, по отраслевым оценкам, превышала 50% ввиду их высокой технологической сложности и потребности в глубокой адаптации под заказчика. Одновременно отрасль располагает значительным резервом повышения эффективности за счет цифровых технологий: по оценке Vygon Consulting, внедрение искусственного интеллекта способно принести нефтегазовым компаниям около 2,95 трлн руб., а государству – еще 2,45 трлн руб. в 2025–2040 гг., в том числе за счет кратного снижения стоимости

подготовки запасов [36]; сопоставимую совокупную величину эффекта – 5,4 трлн руб. за 15 лет – приводило и Минэнерго России [38].

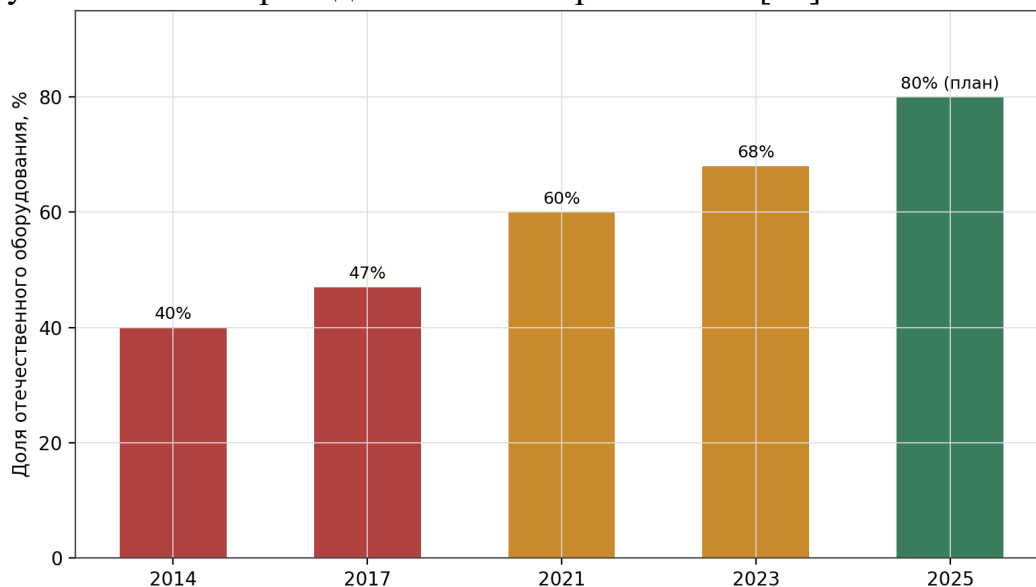

Рис. 2. Доля отечественного оборудования в нефтегазовом секторе России, 2014–2025 гг.

Источник: составлено автором по данным Минпромторга России и отраслевых обзоров (Investing.com, ЦДУ ТЭК) [12; 31; 37]

Fig. 2. Share of domestically produced equipment in Russia's oil and gas sector, 2014–2025

Source: compiled by the author based on data from the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation and industry reviews (Investing.com, CDU TEK) [12; 31; 37]

Критерий бюджетной результативности фиксирует постепенный, но пока ограниченный сдвиг к налогообложению финансового результата: доля НДД в нефтегазовых доходах бюджета выросла с 11,4% в 2022 г. до 13,9% за январь–сентябрь 2024 г. (рис. 3), однако основная нагрузка по-прежнему приходится на НДС, привязанный к физическим объемам добычи, а не к финансовым показателям [20]. Пределы налогового стимулирования особенно наглядно проявились в проекте «Арктик СПГ 2». Несмотря на обширный набор преференций, после введения санкций США в ноябре 2023 г. проект столкнулся с нехваткой газозов ледового класса и невозможностью реализовать продукцию: в апреле 2024 г. производство было приостановлено, в октябре 2024 г. принято решение об остановке первой линии, а после возобновления ее работы в марте 2025 г. линия в мае 2025 г. вновь была остановлена [39; 40]. Налоговые льготы сами по себе не возмещают утраты доступа к специализированному флоту и рынкам сбыта.

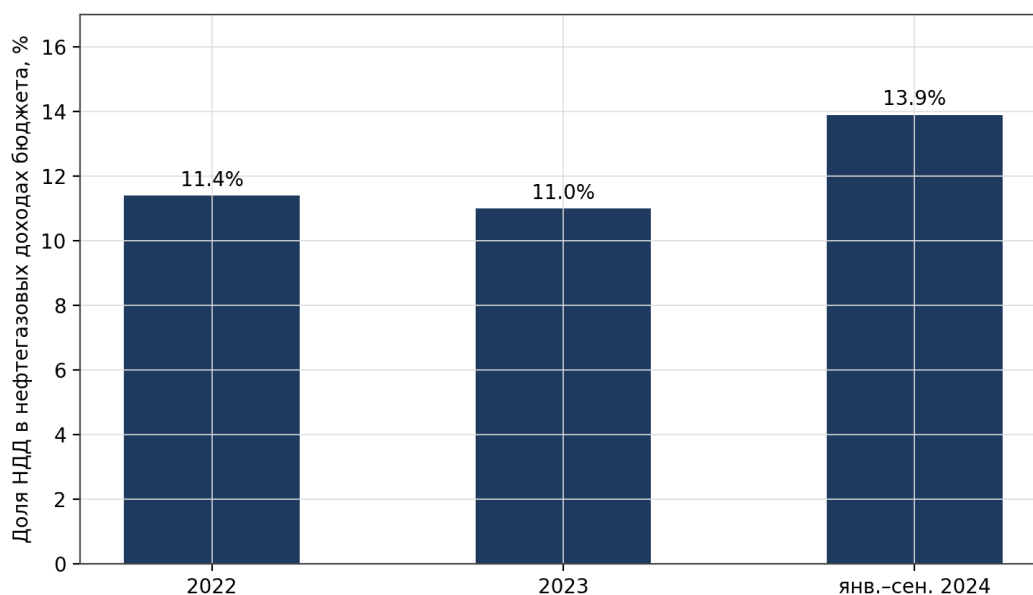

Рис. 3. Рост доли налога на дополнительный доход (НДД) в нефтегазовых доходах федерального бюджета РФ

Источник: составлено автором по данным «Ведомостей» на основе данных Минфина России (2024) [20]

Fig. 3. Growing share of the profit-based tax (NDD) in Russia's federal oil and gas revenues

Source: compiled by the author based on Vedomosti data drawing on the Ministry of Finance of the Russian Federation (2024) [20]

Четвертый критерий – обеспеченность антикризисной политики бюджетными буферами – позволяет судить о ее устойчивости во времени. Ликвидные активы Фонда национального благосостояния, составлявшие в начале 2022 г. около 8,4 трлн руб., к 1 марта 2025 г. сократились примерно до 3,4 трлн руб., а на 1 января 2026 г. равнялись 4,08 трлн руб. (1,9% ВВП) [41; 42]. Иными словами, возможности финансировать поддержку отрасли за счет накопленных резервов, на которые опиралась фискально-стабилизационная модель [6; 7], в 2022–2025 гг. существенно сузились, и каждая новая мера все в большей степени конкурирует с другими статьями расходов бюджета.

Проведенная оценка показывает, что государственная антикризисная инвестиционная политика в нефтегазовом секторе позволила сохранить, а в ряде компаний и нарастить капитальные вложения и постепенно сместила налоговый режим в сторону стимулирования инвестиций. Ее результативность, однако, остается неполной и асимметричной. Формальное достижение целевой доли отечественного оборудования не устранило технологической зависимости в наиболее капиталоемких сегментах – шельфовой добыче, крупнотоннажном СПГ, специализированном программном обеспечении. Отдельные крупные проекты сталкиваются с ограничениями, которые имеющийся набор инструментов устранить не

способен, а ресурс бюджетных буферов, обеспечивавший маневр в первые годы санкционного кризиса, заметно истощился.

Заключение

Анализ показал, что в ответ на нарастающее с 2022 г. санкционное давление государство сформировало многоуровневую систему инструментов антикризисной инвестиционной политики в нефтегазовом секторе. Она объединяет налоговое стимулирование (НДД, топливный демпфер, адресные льготы для арктических проектов), прямое инвестиционно-финансовое участие (ФНБ, СПИК, вычеты, увязанные с бюджетным правилом) и промышленную политику импортозамещения и цифровизации. Результаты этой политики неоднозначны. Капитальные вложения крупнейших компаний в целом устояли, налоговая система медленно движется к режимам, учитывающим финансовый результат, а официальный ориентир по доле отечественного оборудования достигнут. Вместе с тем технологическая зависимость в критических сегментах сохраняется, ликвидная часть ФНБ сократилась более чем вдвое, а опыт «Арктик СПГ 2» обнажил пределы налоговых и финансовых инструментов, не подкрепленных решением проблем логистики, сбыта и доступа к специализированным технологиям. С теоретической точки зрения результаты исследования показывают, что ни одна из рассмотренных доктрин в отдельности не объясняет наблюдаемую картину: при выборе инструментов преобладает фискально-стабилизационная логика, тогда как задачи технологического обновления и воспроизводства ресурсной базы в добыче решаются во вторую очередь. Выявленные проблемы – фрагментарность мер и их частая реактивная перенастройка, слабая координация налогового, промышленного и внешнеторгового регулирования, разрыв между агрегированными официальными показателями и положением в отдельных технологических сегментах – составляют предмет дальнейшего исследования, посвященного систематизации проблем и выработке приоритетных направлений совершенствования государственной антикризисной инвестиционной политики в нефтегазовом секторе России.

Литература

1. Информация об исполнении федерального бюджета // Министерство финансов Российской Федерации. URL: <https://minfin.gov.ru>.
2. Нефтегазовые доходы в бюджете России за 2025 год сократились почти на четверть // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8362154>.
3. Сладков П.А. О мерах государственной поддержки нефтегазовой отрасли // Neftegaz.RU. 2024. № 7. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/gosregulirovanie/842896-o-merakh-gosudarstvennoy-podderzhki-neftegazovoy-otrasli/>.

4. Горбунова О.А. Воздействие санкций на функционирование российских компаний нефтегазового сектора на мировом рынке нефти и газа // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10, № 2. URL: <https://esj.today/PDF/07ECVN218.pdf>.
5. Все санкции США и ЕС против России за 2025 год // Контур.Фокус. 2026. URL: https://focus.kontur.ru/site/news/83447-obzor_sankciy_ssha_i_es.
6. Гурвич Е.Т. Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 4–24.
7. Кудрин А.Л. Влияние доходов от экспорта нефтегазовых ресурсов на денежно-кредитную политику России // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 4–19.
8. Шафраник Ю.К., Крюков В.А. Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. М.: Перо, 2016.
9. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития (академическая версия доклада) // Российский экономический журнал. 2015. № 5.
10. Пляскина Н.И. Нефтяной налоговый маневр: анализ последствий и прогноз влияния на развитие компании // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193). С. 33–44. DOI: 10.47711/0868-6351-193-33-44.
11. Сильванский А.А., Газеев М.Х., Жигунова О.А. Государственное регулирование освоения нефтегазовых ресурсов в условиях изменения структуры ресурсной базы // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 1535–1546. DOI: 10.18334/epp.10.5.110207.
12. Пирогов С. Санкции на поставки оборудования: влияние на нефтяников // Investing.com. URL: <https://ru.investing.com/analysis/article-200291910>.
13. Schlumberger объявила о полном прекращении поставок технологий и оборудования в РФ // Интерфакс. 2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/911870>.
14. Итоги 2025 для нефтегаза России: тренды, санкции и прогноз на 2026 // Нефтегазовая промышленность. URL: <https://nprom.online/popular/itogi-2025-czifry-trendy-prognozy-np1-26/>.
15. U.S. Department of Commerce Officially Suspends Enforcement of the Affiliates Rule for One Year and Removes Several Entities From the Entity List for China // Arnold & Porter. 2025. Nov. URL: <https://www.arnoldporter.com/en/perspectives/blogs/enforcement-edge/2025/11/doc-suspends-enforcement-of-the-affiliates-rule-for-one-year>.
16. Средняя EBITDA российских нефтекомпаний упала в мае на 40% // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8727764>.

17. Названа сумма убытков ЕС из-за отказа от российской нефти // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20260128/neft-2070683788.html>.
18. Заседание коллегии Минэнерго России: по итогам 2025 года добыча нефти снизилась, угольный экспорт вырос // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/919505-zasedanie-kollegii-minenergo-rossii-po-itogam-2025-goda-dobycha-nefti-snizilas-ugolnyy-eksport-vyros/>.
19. В рамках стратегического развития // ТЭК России. 2024. № 6.
20. Милькин В. Доля нефтегазовых доходов бюджета в 2024 году растёт выше плана // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyy_plan/articles/2024/10/30/1071779-dolya-neftegazovih-dohodov-byudzheta-2024-rastet-vishe-plana.
21. Госдума приняла закон о возврате полного демпфера по топливу // Интерфакс. 2023. URL: <https://www.interfax.ru/business/930995>.
22. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов // Министерство финансов Российской Федерации. 2023. URL: <https://minfin.gov.ru>.
23. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов // Министерство финансов Российской Федерации. 2024. URL: <https://minfin.gov.ru>.
24. О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
25. Специальный инвестиционный контракт (СПИК 2.0) // ГИСП: государственная информационная система промышленности. URL: <https://gisp.gov.ru/nmp/measure/10511015>.
26. Специнвестконтракты для нефтяников могут расширить // ИА «Девон». 2025. 26 сент. URL: https://iadevon.ru/news/gosudarstvoipravo/spetsinvestkontrakti_dlya_neftyanikov_mogut_rasshirit-18266/.
27. На «Ямал СПГ» выделили 150 миллиардов рублей из ФНБ // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2014/12/30/yamal/>.
28. Минфин купил за счет средств ФНБ облигации «Ямал СПГ» на 75 млрд руб. // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/economy/20150220/1048899243.html>.
29. Решено. Роснефть получит льготы по арктическому проекту при цене на нефть выше бюджетного правила // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/504983-rosneft-poluchit-lgoty-po-arkticheskomu-proektu-pri-tsene-na-neft-vyshe-byudzhethnogo-pravila/>.

30. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/.
31. Новый импульс политики импортозамещения // ТЭК России. 2024. № 3.
32. Стратегическое направление в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года: утверждено распоряжением Правительства Российской Федерации от 12.03.2024 № 581-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
33. Лидеры рейтинга крупнейших компаний – инвесторов России – 2025 // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru>.
34. Финансовые показатели Лукойла // TAdviser. URL: <https://www.tadviser.ru>.
35. Kasatkin Consulting: для сохранения уровня добычи нефти в России нужно ежегодно наращивать инвестиции на 62 млрд рублей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6015040>.
36. Халбашкеев А. Нефтегазовая отрасль в условиях санкций: ищем пути выхода // Сколково. 2022. URL: <https://sk.ru/news/neftegazovaya-otrasl-v-usloviyah-sankcij-ishem-puti-vyhoda/>.
37. Переходят на свое нефтегазовое оборудование: независимость РФ от импорта достигла 80% // ПРО Недра. URL: <https://pronedra.ru/perehodyat-na-svoe-neftegazovoe-oborudovanie-nezavisimost-rf-ot-importa-dostigla-80-832348.html>.
38. Минэнерго: эффект от ИИ в нефтегазе страны оценивается в 5,4 трлн руб. за 15 лет // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/tsifrovizatsiya/654384-minenergo-effekt-ot-ii-v-neftegazovoy-otrasli-otsenivaetsya-v-5-4-trln-rub-za-15-let/>.
39. Reuters: НОВАТЭК приостановил производство на «Арктик СПГ-2» из-за санкций // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6612003>.
40. Reuters: «Арктик СПГ-2» остановил производство на первой очереди // Коммерсантъ. 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7738994>.
41. Как объем ликвидной части ФНБ снизился более чем вдвое. Инфографика // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/03/2025/67d44cc39a794718da6e9ba3>.
42. Ликвидные активы ФНБ на 1 января снизились до 4,08 трлн рублей // Ведомости. 2026. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2026/01/20/1170538-aktivi-fnb>.

References

1. Informatsiya ob ispolnenii federal'nogo byudzheta [Information on the execution of the federal budget]. Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Finance of the Russian Federation]. Retrieved from: <https://minfin.gov.ru>. (In Russ.)
2. Neftegazovye dokhody v byudzhete Rossii za 2025 god sokratilis' pochni na chetvert' [Oil and gas revenues in Russia's budget decreased by almost a quarter in 2025]. Kommersant. Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/8362154>. (In Russ.)
3. Sladkov P.A. (2024). O merakh gosudarstvennoi podderzhki neftegazovoi otrasli [On measures of state support for the oil and gas industry]. Neftegaz.RU, 7. Retrieved from: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/gosregulirovanie/842896-o-merakh-gosudarstvennoy-podderzhki-neftegazovoy-otrasli/>. (In Russ.)
4. Gorbunova O.A. (2018). Vozdeistvie sanktsii na funktsionirovanie rossiiskikh kompanii neftegazovogo sektora na mirovom rynke nefti i gaza [The impact of sanctions on the functioning of Russian oil and gas companies in the global oil and gas market]. Vestnik Evraziiskoi nauki [The Eurasian Scientific Journal], 10(2). Retrieved from: <https://esj.today/PDF/07ECVN218.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Vse sanktsii SShA i ES protiv Rossii za 2025 god [All US and EU sanctions against Russia in 2025]. Kontur.Fokus [Kontur.Focus]. (2026). Retrieved from: https://focus.kontur.ru/site/news/83447-obzor_sankciy_ssha_i_es. (In Russ.)
6. Gurvich E.T. (2010). Neftegazovaya renta v rossiiskoi ekonomike [Oil and gas rent in the Russian economy]. Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki], 11, 4–24. (In Russ., abstract in Eng.)
7. Kudrin A.L. (2013). Vliyanie dokhodov ot eksporta neftegazovykh resursov na denezhno-kreditnyu politiku Rossii [The impact of oil and gas export revenues on Russia's monetary policy]. Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki], 3, 4–19. (In Russ., abstract in Eng.)
8. Shafranik Yu.K., Kryukov V.A. (2016). Neftegazovyi sektor Rossii: trudnyi put' k mnogoobraziyu [Russia's oil and gas sector: a difficult path to diversity]. Moscow: Pero. (In Russ.)
9. Glaz'ev S.Yu. (2015). O neotlozhnykh merakh po ukrepleniiu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na traektoriyu operezhayushchego razvitiya (akademicheskaya versiya doklada) [On urgent measures to strengthen Russia's economic security and put the Russian economy on a path of accelerated development: academic version of the report]. Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal], 5. (In Russ., abstract in Eng.)
10. Plyaskina N.I. (2022). Neftyanoi nalogovyi manevr: analiz posledstviy i prognoz vliyaniya na razvitie kompanii [Oil tax maneuver: analysis of consequences and forecast of its impact on company development]. Problemy

prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 4(193), 33–44. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-33-44>. (In Russ., abstract in Eng.)

11. Sil'vanskii A.A., Gazeev M.Kh., Zhigunova O.A. (2020). Gosudarstvennoe regulirovanie osvoeniya neftegazovykh resursov v usloviyakh izmeneniya struktury resursnoi bazy [State regulation of oil and gas resource development under changes in the resource base structure]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], 10(5), 1535–1546. <https://doi.org/10.18334/epp.10.5.110207>. (In Russ., abstract in Eng.)

12. Pirogov S. Sanktsii na postavki oborudovaniya: vliyanie na neftyanikov [Sanctions on equipment supplies: impact on oil companies]. Investing.com. Retrieved from: <https://ru.investing.com/analysis/article-200291910>. (In Russ.)

13. Schlumberger ob"yavila o polnom prekrashchenii postavok tekhnologii i oborudovaniya v RF [Schlumberger announced a complete halt to technology and equipment supplies to Russia]. Interfax. (2023). Retrieved from: <https://www.interfax.ru/world/911870>. (In Russ.)

14. Itogi 2025 dlya neftegaza Rossii: trendy, sanktsii i prognoz na 2026 [Results of 2025 for Russia's oil and gas sector: trends, sanctions and forecast for 2026]. *Neftegazovaya promyshlennost'* [Oil and Gas Industry]. Retrieved from: <https://nprom.online/popular/itogi-2025-czifry-trendy-prognozy-np1-26/>. (In Russ.)

15. U.S. Department of Commerce Officially Suspends Enforcement of the Affiliates Rule for One Year and Removes Several Entities From the Entity List for China. (2025). Arnold & Porter, November. Retrieved from: <https://www.arnoldporter.com/en/perspectives/blogs/enforcement-edge/2025/11/doc-suspends-enforcement-of-the-affiliates-rule-for-one-year>. (In Eng.)

16. Srednyaya EBITDA rossiiskikh neftekompanii upala v mae na 40% [Average EBITDA of Russian oil companies fell by 40% in May]. *Kommersant*. Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/8727764>. (In Russ.)

17. Nazvana summa ubytkov ES iz-za otkaza ot rossiiskoi nefti [The amount of EU losses due to the rejection of Russian oil has been announced]. RIA Novosti. Retrieved from: <https://ria.ru/20260128/neft-2070683788.html>. (In Russ.)

18. Zasedanie kollegii Minenergo Rossii: po itogam 2025 goda dobycha nefti snizilas', ugol'nyi eksport vyros [Meeting of the Board of the Russian Ministry of Energy: oil production declined and coal exports increased in 2025]. *Neftegaz.RU*. Retrieved from: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/919505-zasedanie-kollegii-minenergo-rossii-po-itogam-2025-goda-dobycha-nefti-snizilas-ugolnyy-eksport-vyros/>. (In Russ.)

19. V ramkakh strategicheskogo razvitiya [Within the framework of strategic development]. (2024). *TEK Rossii* [Fuel and Energy Complex of Russia], 6. (In Russ.)

20. Mil'kin V. (2024). Dolya neftegazovykh dokhodov byudzheta v 2024 godu rastet vyshe plana [The share of oil and gas revenues in the budget is growing above plan in 2024]. Vedomosti. Retrieved from: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyy_plan/articles/2024/10/30/1071779-dolya-neftegazovih-dokhodov-byudzheta-2024-rastet-vishe-plana. (In Russ.)
21. Gosduma prinyala zakon o vozvrate polnogo dempfera po toplivu [The State Duma adopted a law restoring the full fuel damper]. Interfax. (2023). Retrieved from: <https://www.interfax.ru/business/930995>. (In Russ.)
22. Osnovnye napravleniya byudzhethoi, nalogovoi i tamozhenno-tarifnoi politiki na 2024 god i na planovyi period 2025 i 2026 godov [Main directions of budget, tax and customs tariff policy for 2024 and the planning period of 2025 and 2026]. Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Finance of the Russian Federation]. (2023). Retrieved from: <https://minfin.gov.ru>. (In Russ.)
23. Osnovnye napravleniya byudzhethoi, nalogovoi i tamozhenno-tarifnoi politiki na 2025 god i na planovyi period 2026 i 2027 godov [Main directions of budget, tax and customs tariff policy for 2025 and the planning period of 2026 and 2027]. Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Finance of the Russian Federation]. (2024). Retrieved from: <https://minfin.gov.ru>. (In Russ.)
24. O promyshlennoi politike v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 31.12.2014 № 488-FZ [On industrial policy in the Russian Federation: Federal Law No. 488-FZ of December 31, 2014]. Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. Retrieved from: <http://pravo.gov.ru>. (In Russ.)
25. Spetsial'nyi investitsionnyi kontrakt (SPIK 2.0) [Special investment contract (SPIC 2.0)]. GISP: gosudarstvennaya informatsionnaya sistema promyshlennosti [State Information System of Industry]. Retrieved from: <https://gisp.gov.ru/nmp/measure/10511015>. (In Russ.)
26. Spetsinvestkontrakty dlya neftyanikov mogut rasshirit' [Special investment contracts for oil companies may be expanded]. IA «Devon» [Devon News Agency]. (2025, September 26). Retrieved from: https://iadevon.ru/news/gosudarstvoipravo/spetsinvestkontrakty_dlya_neftyanikov_mogut_rasshirit-18266/. (In Russ.)
27. Na «Yamal SPG» vydeleno 150 milliardov rublei iz FNB [Yamal LNG received 150 billion rubles from the National Wealth Fund]. Lenta.ru. Retrieved from: <https://lenta.ru/news/2014/12/30/yamal/>. (In Russ.)
28. Minfin kupil za schet sredstv FNB obligatsii «Yamal SPG» na 75 mlrd rub. [The Ministry of Finance purchased Yamal LNG bonds worth 75 billion rubles using National Wealth Fund resources]. RIA Novosti. Retrieved from: <https://ria.ru/economy/20150220/1048899243.html>. (In Russ.)
29. Resheno. Rosneft' poluchit l'goty po arkticheskomu proektu pri tsene na neft' vyshe byudzhetnogo pravila [Decided: Rosneft will receive benefits for its Arctic project when oil prices exceed the budget rule]. Neftegaz.RU. Retrieved from:

<https://neftegaz.ru/news/gosreg/504983-rosneft-poluchit-lgoty-po-arkticheskomu-proektu-pri-tsene-na-neft-vyshe-byudzhethnogo-pravila/>. (In Russ.)

30. Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya): Federal'nyi zakon ot 05.08.2000 № 117-FZ [Tax Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 117-FZ of August 5, 2000]. Konsul'tantPlyus [ConsultantPlus]. Retrieved from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/. (In Russ.)

31. Novyi impul's politiki importozameshcheniya [A new impetus for import substitution policy]. (2024). TEK Rossii [Fuel and Energy Complex of Russia], 3. (In Russ.)

32. Strategicheskoe napravlenie v oblasti tsifrovoi transformatsii toplivno-energeticheskogo kompleksa do 2030 goda: utverzhdeno rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 12.03.2024 № 581-r [Strategic direction for the digital transformation of the fuel and energy complex until 2030: approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 581-r of March 12, 2024]. Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. Retrieved from: <http://pravo.gov.ru>. (In Russ.)

33. Lidery reitinga krupneishikh kompanii – investorov Rossii – 2025 [Leaders of the ranking of Russia's largest corporate investors – 2025]. Forbes.ru. Retrieved from: <https://www.forbes.ru>. (In Russ.)

34. Finansovye pokazateli Lukoila [Financial indicators of Lukoil]. TAdviser. Retrieved from: <https://www.tadviser.ru>. (In Russ.)

35. Kasatkin Consulting: dlya sokhraneniya urovnya dobychi nefti v Rossii nuzhno ezhegodno narashchivat' investitsii na 62 mlrd rublei [Kasatkin Consulting: Russia needs to increase investment by 62 billion rubles annually to maintain oil production levels]. Kommersant. Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/6015040>. (In Russ.)

36. Khalbashkeev A. (2022). Neftegazovaya otrasl' v usloviyakh sanktsii: ishchem puti vykhoda [The oil and gas industry under sanctions: searching for ways forward]. Skolkovo. Retrieved from: <https://sk.ru/news/neftegazovaya-otrasl-v-usloviyah-sankcij-ishem-puti-vyhoda/>. (In Russ.)

37. Perekhodyat na svoe neftegazovoe oborudovanie: nezavisimost' RF ot importa dostigla 80% [Switching to domestic oil and gas equipment: Russia's independence from imports has reached 80%]. PRO Nedra. Retrieved from: <https://pronedra.ru/perehodyat-na-svoe-neftegazovoe-oborudovanie-nezavisimost-rf-ot-importa-dostigla-80-832348.html>. (In Russ.)

38. Minenergo: effekt ot II v neftegaze strany otsenivaetsya v 5,4 trln rub. za 15 let [Ministry of Energy: the effect of AI in the country's oil and gas industry is estimated at 5.4 trillion rubles over 15 years]. Neftegaz.RU. Retrieved from: <https://neftegaz.ru/news/tsifrovizatsiya/654384-minenergo-effekt-ot-ii-v-neftegazovoy-otrasli-otsenivaetsya-v-5-4-trln-rub-za-15-let/>. (In Russ.)

39. Reuters: NOVATEK priostanovil proizvodstvo na «Arktik SPG-2» iz-za sanktsii [Reuters: NOVATEK suspended production at Arctic LNG 2 due to sanctions]. Kommersant. Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/6612003>. (In Russ.)

40. Reuters: «Arktik SPG-2» ostanovil proizvodstvo na pervoi ocheredi [Reuters: Arctic LNG 2 halted production at its first train]. Kommersant. (2025). Retrieved from: <https://www.kommersant.ru/doc/7738994>. (In Russ.)

41. Kak ob"em likvidnoi chasti FNB snizilsya bolee chem vdvoe. Infografika [How the liquid part of the National Wealth Fund decreased by more than half. Infographic]. RBC. Retrieved from: <https://www.rbc.ru/economics/15/03/2025/67d44cc39a794718da6e9ba3>. (In Russ.)

42. Likvidnye aktivy FNB na 1 yanvarya snizilis' do 4,08 trln rublei [Liquid assets of the National Wealth Fund decreased to 4.08 trillion rubles as of January 1]. Vedomosti. (2026). Retrieved from: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2026/01/20/1170538-aktivi-fnb>. (In Russ.)

© Меликсетян Г.Г., 2026

